

DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9-170-186

Е.Е. Дмитриева

Грасс Бунина: воскрешение русской усадебной жизни в нерусском пространстве¹

Сведения об авторе: Дмитриева Екатерина Евгеньевна (Москва, Россия), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН). ORCID ID: 0000-0001-9692-8329. E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории реконструирования усадебной жизни И.А. Буниным, который поселяется в эмиграции на юге Франции в приморском городе Грассе и, снимая последовательно три виллы («Мон-Флери», «Бельведер» и «Жанетт»), создает на них — при, казалось бы, явно не благоприятствующих тому условиях — некое подобие русской усадебной жизни. Основной вопрос, который ставится в статье: как подобное одновременно материальное и ментальное воскрешение прошлого связано с особенностью Бунина, о которой вспоминали многие знавшие его современники, а именно с его острой восприимчивостью к текучести и необратимости времени, потребностью найти возможный прорыв в причинно-следственной цепи событий.

Ключевые слова: усадьба, вилла, И.А. Бунин, Грасс, вилла «Мон-Флери», вилла «Бельведер», вилла «Жанетт», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева»

Ekaterina E. Dmitrieva

Bunin's Grass: the resurrection of Russian estate life in non-Russian space

Information about the author: Dmitrieva Ekaterina Evgenievna (Moscow, Russia), DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0001-9692-8329. E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Abstract: The paper recreates the history of the reconstruction of the estate life by Ivan Bunin, who settles in exile in the south of France, in the coastal village of Grass, and, successively renting three villas (Mont Fleury, Belvedere and Jeanette), creates

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

on them — under apparently not favorable conditions — a kind of Russian estate life. The main question posed is how such a resurrection of the past is related to Bunin's peculiarity, which was remembered by many contemporaries who knew him, namely his acute susceptibility to the passing of time, its irreversibility and his attempt to find the possibility of a breakthrough in the causal chain of events.

Key words: country house, villa, I.A. Bunin, Grass, villa “Mont-Fleury”, villa “Belvedere”, villa “Jeanette”, “Dark Alleys”, “The Life of Arseniev”

В последнее время обостряется интерес к тому, что условно можно назвать «жизнью после смерти» русской усадьбы. И если ранее мы полагали, что как явление культуры жизнь русской усадьбы была весьма коротка, замыкаясь между 1762 г. («Указом о вольности дворянской») и 1917 г., уничтожившим помещичью Россию, то ныне исследователи (да и не только они) все настойчивее задаются вопросом: имела ли усадьба, игравшая столь большую роль в русской культуре на протяжении двух веков, некоторое продолжение в русской жизни и литературе после 1917 г.?

Форм этой последующей жизни было на самом деле множество: это и превращение усадеб в музеи усадебного быта, описанные, в частности, М.М. Пришвиным, М.А. Булгаковым и рядом других авторов уже в советскую эпоху². Это и превращение их в музеи, освященные именами знаменитых владельцев (так, получив в 1927 г. охранную грамоту, возникает, например, Пушкинский заповедник). Это и последующее использование усадеб в качестве санаториев, пансионатов, детских домов, колоний для малолетних правонарушителей и т. п.

Если же говорить не о материально-физической стороне русской усадьбы после 1917 г., то следует, по-видимому, вспомнить о той новой волне пассаизма (явление это обыкновенно связывают с организованной С.П. Дягилевым в 1905 г. выставкой русских портретов)³, которая охватила писателей, оказавшихся в эмиграции. Именно для них, в новых условиях, усадебный мир становится важной составляющей культурной и исторической памяти, некоей «обителью души». Так происходит в одном из рассказов И.А. Бунина, где часы, проведенные героем в заброшенной усадьбе, окончательно уводят его «в мир мертвых, уже навсегда и блаженно утвердившихся в своей неземной обители»:

² См.: *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: Топика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 181–197. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).

³ См.: *Дмитриева Е.Е.* Русская усадьба: семантика, топос и хронос // *Имагология и компаративистика.* 2019. № 11. С. 140–141.

И росло, росло наваждение: нет, прежний мир, к которому был причастен я некогда, не есть для меня мир мертвых, он для меня воскресает все более, становится единственной и все более радостной, уже никому не доступной обителью моей души! <...> Запустение, окружающее нас, неопишимо, развалинам и могилам нет конца и счета: что осталось нам, кроме “Летийских теней” и той “несрочной весны”, к которой так “убедительно” призывают они нас?⁴

Казалось бы, здесь мы уходим в сферу мифотворчества, порожденного усадебным прошлым и воспоминаниями, характерными по большей части для писателей-эмигрантов, прикрепленных — по выражению М.И. Цветаевой — к воздуху⁵ и оттого беспрестанно фабулирующих на усадебную тему.

Но оказывается, что у этого фабулирования была в эмиграции и вполне реальная основа — попытка реконструировать усадебное прошлое уже вне России, за рубежом. Формы реконструирования были разнообразными, и тема эта вообще мало исследована. Я остановлюсь, в качестве примера, на одном случае. Это — история Бунина, в эмиграции поселяющегося на юге Франции и пытающегося — при, казалось бы, явно не благоприятствующих тому условиях — создать некое подобие русской усадебной жизни на чужбине.

Предыстория

Отплыв 20 января 1920 г. из Одессы в Константинополь, в марте того же года Бунины оказываются во Франции, где поначалу поселяются в Париже. Но вскоре Бунин пытается, «как и в дореволюционное время», организовать следующий распорядок: «летом на юге Франции, зимой поездки в Париж и другие города»⁶.

Строго говоря, и до приезда в Париж Бунины оседлого жилья не имели, большую часть времени проводя в гостиницах, путешествиях, име-

⁴ Бунин И.А. Несрочная весна: Рассказ // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006. С. 216–217.

⁵ См.: Цветаева М.И. Кедр. Апология (О книге кн. С. Волконского «Родина») // Новый мир. 1991. № 7. С. 167.

⁶ См.: Двинатина Т.М., Морозов С.Н., Шинкова Е.М. Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947 // Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 354.

ниях родственников, поскольку родительские имения были к 1899 г. уже проданы⁷. Зимы 1909–1913 гг., проведенные на Капри, возможно, стали для Бунина первым опытом «усадебной» жизни вне России.

Во Франции же Бунины начинают подыскивать себе летнее пристанище в Приморских Альпах. В 1922 г. Иван Алексеевич вместе со Злобиным ездит по югу Франции в поисках жилья на лето, которое планирует провести с Мережковскими⁸. По словам В.Н. Буниной (Муромцевой), объехали они тогда пол-Франции и Бунину понравился один из замков на окраине города Амбуаз в Шато Нуаре — старинное имение, некогда монастырь, недалеко от дома Леонардо да Винчи. Здесь Бунины прожили с 7 июня по 6 ноября 1922 г.

Но уже весной 1923 г. Буниным удастся снять их первую виллу в Грассе — южном городке, который станет местом их преимущественного пребывания почти в течение 20 лет, магнитом, к которому Бунин постоянно тянулся, восхищаясь им и в то же время хуля, и который означил важный период в его жизни и творчестве.

Бунинские виллы в Грассе

О том, что весной 1923 г. Буниным удастся снять виллу «Мон-Флери» (нынешнее название «La Rivolte»), сообщает В.Н. Бунина:

<...> она (вилла. — *Е. Д.*) стоит высоко над Грассом, в большом саду, где растут пальмы, оливки, хвойные деревья, черешни, смоковницы и т. д. Вид божественный — на Сред<иземное> море, на Эстерель. Какие в Грассе древние дома, церкви. Совершенно итальянский характер улочек, дворов. <...> На базаре тоже часто слышишь итальянскую речь⁹.

Здесь Бунины прожили три года, по прошествии которых вилла оказалась сдана другому. «Ян в тихом отчаянии», — записывает Вера Николаевна в дневник в апреле 1925 г.¹⁰ Так они попадают на следующую

⁷ См.: *Смирнов В.П.* Бунин Иван Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 354–355.

⁸ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 72.

⁹ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Т. 2. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 137.

виллу — «Бельведер» (*Chemin du Vieux Logis, 18*), где проживут с мая 1925 по сентябрь 1936 г. и с мая по октябрь 1939 г. «Ян, — продолжает Вера Николаевна, — сидя на Belvedere, сказал: “Я чувствую себя здесь, как в Mont Fleury”. Раз так, подумала я, значит, нужно оставаться. Все неудобства можно будет обойти»¹¹. Бунина позже объясняла брату Д.Н. Муромцеву: «<...> вилла нужна так же, как было нужно Глотова или Капри для Яна. Ведь <...> работать он может только в уединении, <...> чтобы было спокойно и весело. Почти все созданное им за эти годы создано здесь»¹². И действительно, именно здесь Бунин написал знаменитый цикл «Темные аллеи», «Митину любовь», «Солнечный удар», роман «Жизнь Арсеньева», эссе «Освобождение Толстого», здесь он узнал о своем награждении Нобелевской премией.

После ее получения Бунины начали серьезно думать то о покупке самого «Бельведера», то о поисках чего-то нового, то о постоянном жилье в Париже¹³; 24 января 1934 г. Вера Николаевна писала мужу, уговаривая его остаться на вилле «Бельведер»: «<...> самое разумное было бы взять дачу в Анеси (курорт в Верхней Савойе на берегу озера. — *Е. Д.*) на <...> август и сентябрь. А здесь пожить до августа. <...> Без юга ты не проживешь»¹⁴.

В конце сентября 1936 г., после бесплодных переговоров о покупке «Бельведера», Бунины покидают его и, казалось бы, прочно переезжают в Париж. К этому времени относятся поездки Бунина в Германию, Чехословакию, а в 1938 г. еще и в Прибалтику с серией литературных выступлений. В апреле 1938 г. он вновь покидает Париж, на этот раз в поисках замены «Бельведеру»: «...больше недели <...> скакал по Ривьере от Ментоны до Марселя, ища <...> пристанища на лето, — и ничего не нашел», — писал он М.В. Карамзиной 20 июля 1938 г.¹⁵

В начале августа 1938 г. с помощью Н.Б. Соллогуб (дочери Б.К. Зайцева) Бунины находят наконец некую альтернативу «Бельведеру» — снимают квартиру на вилле «Доминант» в местечке Босолей, рядом с Монте-Карло. До середины сентября живут там (Бунин создает несколько рассказов, заканчивает раздел «Жизни Арсеньева» «Лица»). И даже после возвращения Веры Николаевны на виллу «Бельведер» Бунин остается на

¹¹ Там же. С. 138.

¹² *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 261.

¹³ См.: *Двинятина Т.М., Морозов С.Н., Шинкова Е.М.* Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947. С. 368.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1. С. 673.

¹⁵ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 669.

окруженной садиком вилле «Доминант» вплоть до мая 1939 г., перечитывая любимые стихи, вспоминая юношеские переживания в Озёрках и вообще расценивая этот период как очень плодотворный¹⁶.

Что касается виллы «Бельведер», то она оставалась в распоряжении Буниных до 26 сентября 1939 г. Но когда они уже окончательно ее покидают, им вновь неожиданно «везет» — на бульваре Жоржа Клемансо (*boulevard Georges Clemenceau, 35*, ранее назывался *Route Napoléon, Наполеоновская дорога*) сдается вилла «Жанетт»: «Вчера сняли виллу Jeanette <...> дешево, за 12.000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, “с сюрпризами”, но стоит высоко, с кульками подниматься трудно», — пишет В.Н. Бунина 18 сентября 1939 г.¹⁷. Новая вилла была лучше и просторнее «Бельведера», с хорошей барской обстановкой и еще более прекрасным видом на Грасс. Требовалось полчаса, чтобы подняться к ней по крутым тропинкам и лестницам мимо кактусов и запущенных огородов. Но Бунин любил высоту и горные тропинки.

Пребывание на вилле «Жанетт» пришлось на военные годы: Бунин вынужден прятаться от бомб в саду, в облюбованной им будке, прилепившейся к скале, которую считал «верным от бомб убежищем»¹⁸. Бывали дни, когда его одолевали мысли покинуть «осточертевший Грасс» и отправиться за океан¹⁹. В период «сравнительно безобидной итальянской оккупации Грасса» виллу как неприятельскую собственность едва не реквизируют «для нужд итальянского командования». Спасает итальянский полковник — коллекционер автографов, явившийся к перепуганному Бунину, так и не понявшему до конца, чего от него хотят. В результате уже собранные было чемоданы распаковываются²⁰. И только после ухода немцев из Грасса Бунины в 1944 г. возвращаются в Париж.

Затем будет еще «Русский дом» в Жуан-ле-Пен на Лазурном берегу близ Антиба²¹, где Бунин мечтает о Париже так же, как в Париже он мечтал о Ницце, — но в целом можно сказать, что квазиусадебная жизнь на французском юге после войны для Бунина заканчивается.

¹⁶ Подробнее см.: *Двигятина Т.М., Морозов С.Н., Шинкова Е.М.* Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947. С. 371.

¹⁷ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 3. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ См.: Там же. С. 58.

²¹ См.: *Двигятина Т.М., Морозов С.Н., Шинкова Е.М.* Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947. С. 373.

Те более чем 20 лет, что Бунины прожили в Грассе, сменив три места обитания, были разными и по материальным условиям, и по климату, царившему в этих французских усадьбах. Но что поразительно: при неизменно стесненных условиях (кроме краткого периода после Нобелевской премии) Бунины жили в традициях русского барского гостеприимства, не только постоянно принимая гостей, но и предоставляя свой кров друзьям и тем, кого они почитали за таковых. Даже в тяжелое военное время, переселившись на менее удобно расположенную виллу «Жанетт», Бунин боялся не высоты и удаленности от центра города, но одиночества и поэтому желал поскорее заселить свое «гнездо» «“живыми” людьми»²².

Среди тех, кто подолгу жил на снимаемых Буниными виллах, были поэтесса Г.Н. Кузнецова (с мая 1927 до апреля 1942 г.) и ее подруга певица Марта (Марго) Степун (с 1939 г.), сестра философа Ф.А. Степуна. При всей драматичности пребывания Кузнецовой у Буниных²³, отъезд своих «домочадиц» в Канны в 1942 г. Бунин «все же счел изменой»²⁴.

В ноябре 1929 г. с кульком антоновских яблок²⁵ на вилле «Бельведер» появился Л.Ф. Зуров, впоследствии наследник архива Бунина²⁶, и прожил, хоть и небеспроблемно, вместе с Буниными все военные годы. Подолгу оставался на вилле «Бельведер» и Н.Я. Роцин, некогда боевой офицер в Добровольческой армии А.И. Деникина²⁷. Это о нем записывает Кузнецова в «Грасском дневнике»: «Накануне отъезда он читал нам статью “Вилла Бельведер”, которую собирается послать в рижскую газету “Сегодня”. Описал в ней весь наш дом и всех в нем живущих, “расхвалил” <...> Ивана Алексеевича»²⁸. А.В. Бахрах, в ту пору молодой и энергичный жур-

²² См.: Бунин без глянца / Сост. П.Е. Фокин, Л.В. Сыроватко. СПб.: Амфора, 2009. С. 339.

²³ Бахрах А.В. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. С. 36.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Об этом чисто литературном жесте см.: Там же. С. 37.

²⁶ О Л.Ф. Зурове см.: Разумовская А.Г. «...И кровь мою воспитывала наша земля...» // Север. 2007. № 7–8. С. 233–239.

²⁷ О Н.Я. Роцине на вилле «Бельведер» подробнее см.: Шинкова Е.М. К истории формирования личного фонда И.А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛИМТ). <http://turgenevmus.ru/edinaya-fondovaya-kollektsiya/nashi-publikatsii-i-nahodki/> (Последнее обращение: 5.02.2020).

²⁸ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Вступит. статья, коммент. О.Р. Демидовой. М.: АСТ, 2017. С. 9. Речь идет о статье: Роцин Н. Литературный уголок. Вилла

налист, проживет с Буниными с 22 сентября 1940 по 23 октября 1944 г., частично выполняя функции секретаря писателя и помощника по дому его жены. Впоследствии Бахрах вспоминал о Вере Николаевне: «Приняла она меня на Жанетте <...> с той добротой, которая ее отличала — может быть, даже чуть <...> демонстративной, потому что ей всегда непременно надо было кого-то опекать <...>»²⁹.

В марте 1941 г. Бунин записывает в дневник: «Сейчас десять минут двенадцатого. Г. и М. и Бахрах только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержат троих, четвертый, Зуров, платит в день 10 фр<анков>»³⁰. Год спустя оценка гостей так же нерадостна: «Живем мы коммуной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой — деньги Нобелевской премии давно уже прожиты. Один вот приехал к нам погостить денька на два <...>. Было это три года тому назад. С тех пор вот так и живет, гостит (речь идет о Бахрахе. — *Е. Д.*). Да и уходить ему, по правде говоря, некуда — еврей. Не могу же я его выставить»³¹. Перечисленные гости-нахлебники — далеко не полный список тех, кто пользовался гостеприимством Буниных. Очевидно желание писателя, даже в самые тяжелые и голодные годы, видеть в своем доме «гостей» — своего рода странноприимцев, всегда живших даже в бедных дворянских усадьбах (такой была и усадьба его родителей). Да и сам Бунин в дореволюционные и первые революционные годы нередко выступал в роли такого странника: постоянно, особенно после продажи в 1889 г. родительского имения Озёрки, навещал в Глотова, к двоюродной сестре С.Н. Пушешниковой. За чтением газет в чужом, но все же родном Глотова Бунин в 1917 г. провел последние свои лето и осень в Центральной России.

Конечно, была здесь и сторона бытовая — грасские гости помогали Буниным: сменяли друг друга на кухне³² и, вопреки разыгравшимся здесь драмам, поддерживали климат, который так нужен был писателю и определял то, что мы теперь называем жизнью русских усадеб.

«Бельведер» // Сегодня. 1929. 1 января. № 1. С. 4. Также см.: *Понятовский А.И.* Очерк Н.Я. Рошина о вилле «Бельведер» // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 436–439.

²⁹ *Бахрах А.В.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. С. 143.

³⁰ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 3. С. 87.

³¹ *Седых А.* Далекое, близкое: Воспоминания, рассказы. М.: Московский рабочий, 1995. С. 209. Также см.: *Бахрах А.В.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. С. 5.

³² *Седых А.* Далекое, близкое: Воспоминания, рассказы. С. 145.

Помимо гостей постоянных, были и просто гости — в основном представители той же эмиграции, которых он сам «зазывал» на свою виллу. Чаще всего в Грассе бывали Ходасевичи и Мережковские. С Мережковскими Бунины тесно «усадебно» общались начиная с 1921 г. О том, как Бунин принимал гостей и как сам ездил в гости, есть немало записей в «Грасском дневнике». Вилла, на которой обитали Мережковские, контрастировала с не столь обихоженым бытом Буниных: «Были и слушали, — записывает Кузнецова 10 ноября 1927 г. — Посещение знаменательное и даже довольно волнующее. Множество новых впечатлений и от виллы, очень чистой, нарядно, даже с некоторой кокетливостью убранной <...>»³³.

Помимо Мережковских, Бунины ездили в гости и на другие виллы. Например, повидаться с Зайцевыми в Пюжет, в имение Эльяшевича³⁴. Вместе с С.В. Рахманиновым (с ним Вера Николаевна состояла в родстве), который приглашал Бунина «к себе в Рамбуйе гостить, уверяя, что ему там будет очень удобно тихо писать»³⁵, они навещали Алданова в Жюан Ле Пен. Неизвестно, сумел ли Бунин побывать в Рамбуйе, но швейцарское имение Рахманинова Сенар он определенно посетил.

Посещение же имения Тенар³⁶, виллы великого князя Николая Николаевича, составило целый эпизод романа «Жизнь Арсеньева».

Поиски дома: реальные и ментальные

28 июля 1940 г., все еще будучи в Грассе, Бунин записывает: «Прекрасный, уже совсем теплый день. Дубы возле chaumière уже сплошь в бледно-зеленых мушках. <...> Цветет сирень, глицинии... Ходил по саду <...>. Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край!»³⁷

Как ни восторгался Бунин красотой снимаемых им усадеб, его не оставляло желание иметь собственный дом и даже собственное поместье: «Ему все мерещится какая-то необыкновенная, уютная, деревенская дача с огромным садом, со множеством комнат, со старинной деревянной ме-

³³ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 51.

³⁴ См.: Двинятина Т.М., Морозов С.Н., Шинкова Е.М. Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947. С. 355.

³⁵ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 168.

³⁶ Там же. С. 128.

³⁷ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Т. 2. С. 345. Chaumière — хижина, избушка (фр.).

белью и обоями, “высохшими от мистралей” <...>³⁸. Но поиск этот оставался виртуальным: «Даже в дни изобилия, наступившие после получения Нобелевской премии, он очень скоро стал мысленно предвосхищать, что не сумеет ничего удержать и рано или поздно окажется у разбитого корыта. <...> тут, несомненно, сказывалась наследственность, воспоминания о той обстановке дворянского оскуднения, которую так выпукло <...> описал <...> Терпигорев-Атава³⁹. Впрочем, и сам Иван Алексеевич не раз вдохновлялся той же близкой ему и болезненной темой <...>. Ему казалось, что русскому писателю Бунину “не к лицу” стать каким-то домовладельцем <...>»⁴⁰. Думается, были и другие причины: Грасс для Бунина стал в первую очередь *ландшафтом воспоминаний*, во всем том широком смысле, какой вложила в это словосочетание русская литература. Это было связано с особенностью его памяти, о которой свидетельствовали современники, — ревнивым и ревностным всматриванием в прошлое.

«Были в усадьбе Фрагонара, где устроен теперь музей, — записала Кузнецова 5 января 1928 г. — Смотрели прекрасный старинный провансальский дом, утварь, мебель из золотистого полированного дерева. И.А. все повторял: “И все это исчезло из жизни, все провалилось куда-то! Вот жили люди! Как мы теперь живем!”»⁴¹. Ср. ее запись от 24 декабря 1928 г.: «На подъеме к нашей даче вдруг дружный и нестройно-веселый перезвон, очень похожий на пасхальный. <...> И.А. сказал с волнением: “И вот так странно думать, что пятьсот лет назад звонили точно так же... И какой благостной защитой над всем, даже над смертью был этот перезвон. И как это есть люди, которые не понимают этого!”»⁴². В самом деле, «болезненно восприимчивый к текучести времени, его загадочной необратимости, Бунин стремится найти в нем “окно”, возможность прорыва в причинно-следственной цепи событий» — так делает героиня его «Холодной осени» (1944), для которой безостановочный «бег» лишь дурной сон, от которого нужно проснуться к «настоящему», к встрече с погибшим женихом⁴³.

³⁸ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 49.

³⁹ Терпигорев С.Н. (1841–1895) — писатель и публицист, печатался под псевд. *Сергей Атава*; автор получивших известность книг «Оскудение» (1880) и «Потревоженные тени» (1890) о быте пореформенной сельской России, о бедственном положении дворянских усадеб.

⁴⁰ Бахрах А.В. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. С. 123.

⁴¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 60.

⁴² Там же. С. 102.

⁴³ См.: Михайлов О.Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 45.

Рассказами-снами, рассказами-видениями, разрушающими структуру времени, выглядят иные зарубежные бунинские произведения. И удивительно ли, что райский край (в его ощущениях не всегда «райский») Французской Ривьеры на протяжении всех лет эмиграции Бунин проецирует (точнее, опрокидывает) на Россию, а более конкретно — на усадьбную Россию, имение Глотова Елецкого уезда Орловской губернии, которое, собственно, и не было его имением. Именно «глотовский уют» ищет Бунин во Франции⁴⁴. Брату, как мы видели, В.Н. Бунина тоже объясняла, что «вилла нужна так же, как было нужно Глотова или Капри для Яна <...>».

О том, что, живя во Франции, Бунин ментально пребывал в России, свидетельствует запись из дневника Кузнецовой от 17 декабря 1929 г.: «Перед обедом сидели с Зуровым у него в комнате, и он читал вслух “Суходол”. В середине вдруг оба остановились и стали смеяться, и он сказал: “Конечно, тот же Суходол! И нечего говорить о Европе! Здесь тот же самый, чистейший Суходол, и все мы оттуда!”»⁴⁵.

Впадение в прошлое: прустовские корни Бунина

И все-таки было нечто, что не только позволяло, но и заставляло Бунина в эмиграции не просто проецировать свою новую жизнь на ту, которую он прожил в России, но еще и внутренне их соединять. То был, как представляется, «зов предков», он же — зов культуры, ощущение своей нерасторжимой связи с ней. Именно это ощущение заставило его на первых же страницах «Жизни Арсеньева» сказать:

В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь заглохших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда — и недаром — царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду⁴⁶.

⁴⁴ См.: Там же. С. 366. Также см.: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Т. 2. С. 74–75.

⁴⁵ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 134.

⁴⁶ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Воскресенье, 2006. С. 8.

Этому абзацу предшествует, что характерно, размышление о собственных предках:

В Духов день призывает Церковь за литургией «сотворить память всем от века умершим». <...> Среди моих предков было, верно, немало и дурных. Но все же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства⁴⁷.

Трудно сказать сейчас, ретроспективно ли Бунин приписал себе это свойство или, действительно, причастность тому европейскому (и не только европейскому) миру, где были общие предки и общая культура, характерна для его ранних лет:

В тамбовском поле, под тамбовским небом, с такой необыкновенной силой вспомнил я все, что я видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незапамятных существованиях, что впоследствии, в Египте, в Нубии, в тропиках мне оставалось только говорить себе: да, да, все это именно так, как я впервые «вспомнил» тридцать лет тому назад!⁴⁸

Художница Т.Д. Муравьева-Логинава вспоминала, как однажды Бунин ей сказал:

Мне кажется, что я живу действительно тысячу лет <...>, и не одну тысячу <...>. Чувствую в себе всех своих предков. Бурлят, шумят они во мне — и дальше чувствую далекую глубину веков. Все корни мои, ушедшие в русскую почву, до малейшего корешка чувствую⁴⁹.

Собственно, это и было то особое бунинское чувство времени, заставившее его не единожды намекнуть на свою, казалось бы, неясную связь с М. Прустом: как-то он «ошарашил» Бахраха «словами о том, что в некоторых главах “Жизни Арсеньева” есть, мол, немало мест совсем прустовских, хотя это влияние на него Пруста неискушенному читателю мало приметно»⁵⁰.

⁴⁷ Там же. С. 7–8.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ *Муравьева-Логинава Т.Д.* Живое прошлое. Воспоминания о И.А. и В.Н. Буниных // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 301.

⁵⁰ *Бахрах А.В.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. С. 113.

Творческий исход

Главные книги, написанные Буниным в эмиграции — цикл «Темные аллеи» и «Жизнь Арсеньева», — по большей части об усадьбе. Были ли они логическим итогом его дореволюционного «усадебного текста» или что-то в его видении с 1917 г. изменилось?

Выше говорилось о том, что и бытийно, и событийно Бунин с усадьбами был связан как никто другой. Славу ему принесли именно деревенские рассказы, которые он, впрочем, усадебными (или «дворянскими») не считал и от которых пытался даже дистанцироваться. Не понаслышке зная о положении в деревне, ощутив и пережив многое в истории своего рода, своей семьи, Бунин не то чтобы одним из первых заговорил об оскудении усадебной жизни — об этом говорили и до него, — но сделал эту тему поистине центральной. И если сравнить «усадебные» тексты, написанные им до и после 1917 г., то невозможно не заметить тенденции, вновь возвращающей к тому, что мы ранее обозначили, как «зов предков», — ощущение (да простится здесь тавтология) обретенной обратимости необратимого времени.

Каковы основные мотивы ранних «усадебных» текстов Бунина? Очевидно, что на первом месте — оскудение, явленное в самых разных сферах. Это и оскудение рода: не случаен, видимо, постоянно повторяющийся мотив смерти некоего старого князя («Исход», «Сны Чанга», «Иоанн Рыдалец», «Всходы новые»). Это и продажа имения, где правы и неправы *все* — и те, кто покупают, и те, кто продают («Князь во князьях», «Последний день»). Это и оскудение усадебной, дворянской любви, своего рода ее последыш («Последнее свидание»), где описывается бедная, пахнущая «старым отхожим местом» усадьба, постаревшая барышня с печальным крестиком — бабушкиным «последним богатством»⁵¹.

В эмиграции («Несрочная весна», «Именины», «Митина любовь» и незаконченное — «Иволга») Бунин отчасти проигрывает те же темы, что и в рассказах, написанных в России (в частности, смерть последнего владельца усадьбы — «К роду отцов своих»). Но появляется в них и нечто новое (а точнее, возвращение к забытому старому): усадебная любовь, вытесненная им ранее на периферию, посрамленная (как в «Последнем свидании»), нелепо сумасшедшая (в «Грамматике любви»), *врывается* в тексты Бунина как все на своем пути сметающая сила, которая лишь на первый взгляд парадоксально, а в сущности

⁵¹ Бунин И.А. Последнее свидание: Рассказ // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. М.: Воскресенье, 2006. С. 214.

вполне логично сопрягается со смертью. В этом смысле особое место занимает «Митина любовь» — рассказ, написанный, что для нас немаловажно, на грасской вилле «Бельведер», — но с воспоминанием о жизни в России, в имении Колонтаевка, куда ездили и сам Бунин, и его сестра Машенька, где «была сосновая аллея, как-то особенно пахло жасмином <...>»⁵².

Когда читаешь недавно опубликованные наброски Бунина (сам он сопротивлялся этой возможности), то поражает, насколько они проникнуты эротикой, чувственностью, телесностью — всем тем, что присутствует и в напечатанных при жизни текстах, но предстает там завуалированно, словно в узде. Запись Кузнецовой от 5 декабря 1927 г. дает некоторое представление о том, какого напряжения требовала от Бунина эта сдержанность:

И.А. дал мне пачку своих стихов для того, чтобы я отобрала их для книги, которую он хочет давно издать. Отбирая, невольно изумилась тому, как мало у него любовной лирики и вообще своего, личного в поэзии. За все время четыре-пять стихотворений, в которых одной, двумя строками затронута любовная тема. Спросила его об этом. Говорит, что никогда не мог писать о любви — по сдержанности и стыдливости натуры и по сознанию несоответствия своего и чужого чувства⁵³.

Возможно, это и есть причина того, что любовь, — та, что уже явно выходит на первый план в усадебных новеллах «Темных аллея», — предстает еще и как любовь преображенная и — несмотря на всю ее трагичность и невозможность — просветленная, уходящая, так сказать, в вечность. Таков рассказ «Руся» (1940) с его финальной фразой «*Amata nobis quantum amabitur nulla*» («Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет!»)⁵⁴. В pendant этому — рассказ «Темные аллея» (1938), ставший камертоном цикла и давший ему название. В нем — несмотря на всю невозможность, социальную и психологическую, свершения усадебной любви — звучит и другой мотив, по сути тот же, что и в «Русе»: «<...> я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни»⁵⁵. Это и рассказ «Таня» (1940), заканчивающийся суггестивной фразой об исходе любви

⁵² Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 242.

⁵³ Там же. С. 54.

⁵⁴ Бунин И.А. Темные аллея // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 2006. С. 44. О сопряжении религии и эротики в «Русе» и «Иволге» см.: Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1. С. 83.

⁵⁵ Бунин И.А. Темные аллея. С. 10.

барчука Петруши и горничной Тани: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни»⁵⁶. И знаменитая «Холодная осень», которую Бунин создает в 1944 г., возвращаясь в военную годину к войне предыдущей, которая, как и последующая затем революция 1917 г., делает все произошедшее затем в жизни героини «ненужным сном»⁵⁷.

Как известно, Бунин не любил, когда его подозревали в автобиографичности написанного: «я умею только выдумывать», признавался он неоднократно, утверждая, что «записывать виденное или протокольно отмечать пережитое противно его природе»⁵⁸. И всячески предостерегал, чтоб не путали его с Арсеньевым.

Впрочем, имеются и противоположные указания. Примеров тому немало и в «Грасском дневнике» Кузнецовой, и в текстах самого Бунина, в частности в эссе «Происхождение моих рассказов»⁵⁹. Противоречивость ли это самого Бунина или разная оптика мемуаристов?

25 июля 1929 г. Кузнецова передает следующий диалог писателя с Неклюдовым: «Россия была испорчена литературой <...>. Ведь все общество жило ею и ничего другого не желало видеть. Ведь даже погода в России должна была быть всегда дурной, по мнению писателей. Я как-то указал кому-то, что у Щедрина во всех его сочинениях ни разу нет солнечного дня, а все: “моросил дождик”, да хмуро, да мерзко. И что же? Так и оказалось. Просмотрели всего Щедрина — так и оказалось!»⁶⁰.

А ведь тот русский «усадебный» текст, который Бунин создает, живя на виллах во французском городе Грасс, и есть *литература*, в которую безоговорочно поверили поколения, родившиеся после 1917 г. и уже не мыслившие усадьбу и усадебную жизнь без того образа, который возникает на страницах «Темных аллей». Для самого Бунина он был не столько автобиографией, сколько «переработанной памятью»⁶¹, и «сколки былого» в нем оказывались не более важными, чем постоянная переработка собственных и чужих литературных текстов, цитатность и автоцитатность (характернейший тому пример — рассказ «Натали», одно из самых трепетных описаний этой свершившейся и

⁵⁶ Там же. С. 88.

⁵⁷ Там же. С. 168.

⁵⁸ *Бахрах А.В.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. С. 120.

⁵⁹ См., например, ответ И.А. Бунина на вопрос Г.Н. Кузнецовой о том, как создавалась «Чаша жизни» (*Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. С. 40).

⁶⁰ Там же. С. 126.

⁶¹ Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1. С. 171.

одновременно несвершившейся усадебной любви, рожденное, однако, из литературной реминисценции)⁶².

Подобная литературность не была для Бунина периода эмиграции чем-то принципиально новым. Новым было скорее то, что зеркалом, в котором каждый раз по-новому отражалось бывшее и небывшее⁶³, выступали сады Грасса и отроги горного массива Эстерель. Не уставая любоваться Средиземным морем и горной грядой, Бунин однажды делает запись в дневнике: «Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах!»⁶⁴. Итак, работая над «Темными аллеями» и «Жизнью Арсеньева», Бунин, оказывается, думает не только о России, но и о давно прошедших веках. И мы вправе задаться вопросом, который, возможно, станет выводом из всего здесь написанного. Было ли то, что прозвучало как ностальгический гимн усадебной России, не столько порождением воспоминаний о ней, о русской истории, о собственном усадебном прошлом, сколько раздумьем о древнем и неумолимом хроносе, одинаково беспощадном и к еще не оправившейся от революционных бурь России, и к благополучной в целом Франции? При таком прочтении русская усадьба (во всяком случае, в интерпретации Бунина) может быть воспринята как эмблема экзистенциальной трагедии, которой Россия, в том числе и усадебная Россия, оказывается лишь частным выражением.

Список литературы

1. *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 455 с.
2. *Бахрах А.В.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.
3. *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.:

⁶² Описывая в «Происхождении моих рассказов» генезис рассказа «Натали», И.А. Бунин пояснял: «Мне как-то пришло в голову: вот Гоголь выдумал Чичикова, который ездит и скупает “мертвые души”, и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений?» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 393).

⁶³ О зеркале, в котором герой «Жизни Арсеньева» каждый раз видел себя «по-новому отчужденным и отраженным», см.: *Пономарев Е.Р.* Рассказы круга «Темных аллея» // Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1. С. 83.

⁶⁴ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Т. 2. С. 125.

- Толика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
4. Бунин без глянца / Сост. П.Е. Фокин, Л.В. Сыроватко. СПб.: Амфора, 2009. 381 с.
 5. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. М.: Воскресенье, 2006. 513 с.
 6. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006. 703 с.
 7. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Воскресенье, 2006. 639 с.
 8. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 2006. 488 с.
 9. Дмитриева Е.Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–141.
 10. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Вступит. статья, коммент. О.Р. Демидовой. М.: АСТ, 2017. 462 с.
 11. Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1 / Гл. ред. В.Р. Щербина. М.: Наука, 1973. 696 с.
 12. Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2 / Гл. ред. В.Р. Щербина. М.: Наука, 1973. 551 с.
 13. Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 1184 с.
 14. Разумовская А.Г. «...И кровь мою воспитывала наша земля...» // Север. 2007. № 7-8. С. 233–239.
 15. Роцин Н. Литературный уголок. Вилла «Бельведер» // Сегодня. 1929. 1 января. № 1. С. 4.
 16. Седых А. Далекie, близкие: Воспоминания, рассказы. М.: Московский рабочий, 1995. 318 с.
 17. Смирнов В.П. Бунин Иван Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 354–355.
 18. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 318 с.
 19. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 3. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 221 с.
 20. Цветаева М.И. Кедр. Апология (О книге кн. С. Волконского «Родина») // Новый мир. 1991. № 7. С. 162–176.
 21. Шинкова Е.М. К истории формирования личного фонда И.А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ). <http://turgenevmus.ru/edinaya-fondovaya-kollektsiya/nashi-publikatsii-i-nahodki/> (Последнее обращение: 5.02.2020).